

Цзин тоже недоумевал: почему Цзи Ян не утешает его, а только дразнит? Раньше Цзи Ян не был таким злым! А ему так нравилось, когда Цзи Ян его утешал!

Он заглянул в комнату: Цзи Ян, держа кисть, склонился над столом, что-то пишет. Услышав слова Юнь Жун, поднял голову и с лёгкой улыбкой ответил:

— Есть вещи, которые он должен понять сам.

— Эта рабыня не понимает, что вы имеете в виду?

— Знаешь, что такое «ревность»?

— Хм?

Цзи Ян, усмехнувшись, покачал головой и снова принялся писать.

Ревность?

Цзин, будучи духом, начитавшимся романов, был знаком с этим понятием, но...

Он напряг память, пытаясь вспомнить содержание книг, и постепенно начал что-то улавливать.

Юнь Жун снова заговорила:

— Ваше высочество, разве вы не скучаете по молодому господину?

— Скучаю, — не задумываясь, тут же ответил Цзи Ян.

— А если он так и не поймёт, вы не станете его утешать и звать обратно? Вы же по нему тоскуете?

Цзи Ян улыбнулся, не отрываясь от бумаги:

— Как могу не тосковать? Как раз заканчиваю для него эту историю. Когда допишу, уже рассветёт, я велел Сань Аню прийти к тому времени. — Он отложил кисть, слегка приподнял голову и, держа её вертикально, задумчиво улыбнулся при свете лампы. — Как же я не стану его утешать? Просто сегодня мне придётся потерпеть. Если не поймёт — что ж, пусть. Впереди ещё много времени.

Только тогда на лице Юнь Жун появилась улыбка.

Цзи Ян снова склонился к столу, добавив на прощание:

— К рассвету он как раз вернётся к завтраку. Приготовь побольше его любимых блюд.

Юнь Жун с лёгким упрёком ответила:

— А разве я когда-нибудь не готовила то, что он любит?

— Верно, мои предпочтения уже никого не волнуют.

— Ваше высочество, — сказала Юнь Жун, — именно потому, что вы так любите молодого господина, я и ценю его.

С этими словами она, улыбаясь, вышла из кабинета.

Цзин отвел взгляд, прислонился к оконной раме и подпер лицо руками.

Неужели Цзи Ян действительно любит его настолько, что даже его служанка заботится лишь о его пристрастиях?

Он сжал кулаки и подумал: «Пусть я не всё понимаю, но я больше не сержусь! Я тоже по тебе скучаю! Спасу этого человека и вернусь к завтраку!»

Авторское примечание: Наконец-то могу обновить!

Видно?

Завтра утром в шесть — ещё обновление на десять тысяч иероглифов. Спокойной ночи!

Перед отъездом в столицу Цзин вытащил Сань Аня.

Цзин знал не так уж много людей, а плохих — и того меньше. На его взгляд, настоящим злодеем был лишь один — Цзи Лань.

Фанфэй объяснила Сань Аню всю подоплёку, и Цзин спросил:

— Ты раньше служил евнухом во дворце, многое повидал. Есть ли способ использовать это дело, чтобы подставить Цзи Ланя?

Услышав такое, Сань Ань оживился.

Он давно мечтал прикончить Цзи Ланя, но его высочество желал расправиться с ним собственноручно, так что Сань Ань ничего не мог поделаться. Однако он ненавидел Цзи Ланя всем сердцем, и, выслушав рассказ Фанфэй и сопоставив его с секретным письмом от его высочества, хотя прямых доказательств и не было, Сань Ань был уверен: это дело не обошлось без Цзи Ланя. Лишь он был способен на такое — отнимать жизни у людей ради собственной выгоды.

У Цзи Ланя не было поддержки материнского клана, и он отчаянно нуждался в серебре.

Так что это даже нельзя было назвать подставой.

Особенно когда Цзин сказал:

— Не беспокойся! Я не скажу об этом Цзи Яну! Это останется между нами!

Глаза Сань Аня тут же загорелись: плутовских идей у него было хоть отбавляй.

Для начала они снова стащили нефритовую табличку из дома князя Чэна.

Цзи Лань, подозревая, что в его доме завёлся предатель, после прошлого случая специально оставил табличку на видном месте в надежде поймать виновника. Они и представить не могли, что виновник и впрямь был, только не предатель, а призрак.

Сестра Яо Юэ лично взялась за дело и без труда добыла табличку.

Сань Ань сказал:

— Вы можете прямо войти в тюрьму к этому учёному, притворившись божеством...

Цзин перебил его:

— Я дух, а не божество.

— Молодой господин, да вы выглядите словно один из отроков с лотосом у ног бодхисаттвы Гуаньинь! Скажете, что не божество, — ни за что не поверит!

— Правда?

— Ещё как! Просто сделайте вот так... — Сань Ань принялся что-то бормотать, а Нун Юэ и остальные слушали, ничего не понимая. Однако Сань Ань был прав: их мышление, как духов и демонов, не подходило для мира людей. Чтобы проверить это дело гладко, стоило прислушаться к его советам.

После совещания Сань Ань повёл их напрямик в тюрьму, где содержался тот самый влюблённый.

Найти его было легко — несчастный учёный сидел, съёжившись, в углу на соломе. В камере стоял невыносимый смрад, и Нун Юэ быстро создала барьер, а Фанфэй тут же наполнила его ароматом цветущих персиков.

Фанфэй подошла первой, ткнула влюблённого — тот не шелохнулся. Она перевернула его веткой.

Взглянув на лицо, она ахнула: это же Ли Цзюньцзянь! Тот самый учёный, которого они встретили по дороге в Ичжоу! Она не знала, стоит ли показывать его господину, но Цзин, заметив её нерешительность, спросил:

— Что такое?

— Молодой господин, на нём живого места нет! Видно, его нещадно пытали. — Фанфэй, видя, что господин не проявляет интереса, не стала развивать тему.

Брови Цзина тут же нахмурились:

— Нужно его немедленно исцелить...

— Молодой господин, не стоит исцелять полностью, это будет подозрительно. Достаточно дать ему немного жизненных сил, — предложил Сань Ань.

— Правда?

Сань Ань закивал, и Фанфэй передала Ли Цзюньцзяню немного духовной энергии, едва вернув его к жизни. Тот с мукой открыл глаза, а они в тот же миг скрылись, оставив одного Цзина перед ним. Фанфэй специально выросла рядом с Цзином пышным персиковым деревом, а он добавил немного водяного тумана. Ли Цзюньцзянь, перевернувшись, увидел Цзина, стоящего под деревом.

Цзин немного нервничал — впервые ему приходилось притворяться божеством.

Но, как и говорил Сань Ань, его внешность говорила сама за себя: кто бы поверил, что он не божество?

Ли Цзюньцзянь, будучи учёным, изначально не верил в духов и демонов.

Но его действительно загнали в тупик. Проведя в застенках долгие дни, под непрерывными допросами, он физически и душевно был на грани срыва. Увидев Цзина и тот божественный туман, он тут же расплакался. Он встал на колени и принялся кланяться:

— Умоляю, божество, помогите мне! Умоляю, помогите! Умоляю!

Цзин глубоко вздохнул и с подобающей важностью спросил:

— Какое у тебя желание?

Ли Цзюньцзянь не ожидал, что божество действительно отзовется! Слёзы тут же хлынули из его глаз, и он снова ударил лбом о землю, всхлипывая:

— У меня есть сестра, её зовут Ван Юэ, она из Ичжоу, ей шестнадцать лет, живёт в переулке Шуанси в городе Ичжоу. Её... — его слёзы капали на сухую солому, — её погубил злодей. Умоляю, спасите её!

Ли Цзюньцзянь просил не за себя, а сразу за Ван Юэ.

Цзин от удивления разинул рот. Ли Цзюньцзянь не мог вымолвить ни слова, лишь непрерывно кланялся.

Цзин сомкнул губы и с недоумением спросил:

— А для себя ты ничего не просишь?

Ли Цзюньцзянь замотал головой:

— Я прошу лишь, чтобы вы спасли Ван Юэ, даровали ей спокойную жизнь. Я готов отдать за это свою жизнь.

— А твоя карьера, успехи на экзаменах...

— Умоляю, даруйте Ван Юэ спокойную жизнь! Это я перед ней виноват! Умоляю! — Ли Цзюньцзянь продолжал кланяться, пока лоб не начал кровоточить. Он боялся, что это всего лишь сон, и не останавливался.

В тени Сань Ань, когда-то бывший человеком, рыдал навзрыд. Даже Нун Юэ, Яо Юэ и Фанфэй, никогда не знавшие подобных чувств, не могли смотреть на это без содрогания.

Цзин же и вовсе расплакался. Он вытер слёзы, снова глубоко вздохнул и, вспомнив наставления Сань Аня, сказал:

— Тот, кто тебя погубил, — третий принц Цзи Лань.

— Завтра сюда явятся чиновники из Министерства наказаний. Когда они придут, вручи им эту вещь. Скажи... Я сейчас спрячу эту нефритовую табличку в подошву твоей обуви... — Цзин повторил всё, чему научил его Сань Ань.

Сказав это, он разжал руку, и табличка упала в солому.

Ли Цзюньцзянь ошеломлённо поднял её, попробовал на зуб и, убедившись, что она подлинная, взглянул вверх с ликованием.

Божество парило высоко в воздухе, смотря на него, и сказало:

— Князь Хуай, Цзи Ян, направляясь в Ичжоу, узнал, что ты, способный учёный, был оклеветан и отправлен в столицу. Он не смог остаться равнодушным, упомянул о тебе и даже хотел помочь. Я же, практикуясь в мире людей, случайно услышал об этом и решил проверить.

Ли Цзюньцзянь распростёрся на земле:

— Благодарю за помощь! Благодарю за наставление! Если мне удастся выжить, я пойду за князем Хуай и в огонь, и в воду! Есть ли у вас в мире людей храм для поклонения? Я готов служить вам всю жизнь, не щадя плоти и крови!

— В этом нет нужды. Просто хорошо обращайся с Ван Юэ, всю жизнь будь к ней добр.

Сказав это, Цзин повернулся и исчез вместе со всем барьером.

<http://bllate.org/book/15942/1425312>